

АЛЕКСАНДР РАЗУМИХИН

ЦАРИЦА САЛОНОВ И СТИХОТВОРЕНИЕ ЛЕРМОНТОВА

В 1829 году графиня Юлия Павловна Самойлова прервала своё пребывание в Италии и объявилась в российской столице. Ей предстояло принять доставшуюся по наследству после смерти её бабушки – графини Скавронской-Литта – родовую усадьбу “Графская Славянка” под Петербургом.

Историю двухэтажного усадебного дома, построенного в середине XVIII века, надо признать знаменательным событием в жизни графини. Существует поверье, нечто среднее между легендой и преданием, будто некогда на этой земле существовало деревянное поселение, в котором жили шведы. Они там были до тех пор, пока Пётр I со товарищи в ходе Северной войны не попросил их покинуть эти места. Сначала, по сути, окраинные земли он дарит любимцу Меншикову. Затем забирает у него и передаривает их своей жене Екатерине Скавронской. Кто-то называет шесть мыз, кто-то говорит, что приписал восемнадцать деревень и две пустоши. Согласитесь, сегодня не столь существенно, что и сколько он отдал жёнушке в 1708 году. Есть смысл разве что упомянуть: в числе этих мыз были Саарская (ныне г. Пушкин), Славянская (г. Павловск) и Озинская (ныне пос. Динамо). Озинская мыза и есть название Графской Славянки в начале XVIII века.

Став императрицей, Екатерина I высочайшим указом от 5 января 1727 года двум своим братьям – Карлу и Фридриху (Фёдору) – “подарила” графские титулы. А в придачу присовокупила земли, получившие название Малая Графская и Большая Графская мызы. С тех пор местность, называемая Озинской мызой, стала называться Графской Славянкой. Позже она по наследству перешла в собственность сына Скавронского Мартына Карловича. Именно при нём в середине XVIII века был выстроен каменный дом и разбит парк.

Далее на исторической сцене появляются более знакомые нам лица. В 1776 году усадьба опять же по наследству переходит Павлу Мартыновичу Скавронскому, последнему представителю рода. Управляла ею, если исходить из реального положения дел, жена Павла Екатерина, урождённая Энгельгард. Пройдёт чуть меньше двадцати лет, она, как помним, останется вдовой, но снова выйдет замуж – за итальянского графа Джулио Литта. И тот уже возведёт, а можно и сказать, что отгрохает, настоящий замок с залами, декорированными рыцарскими доспехами, щитами и мечами.

Глянув на него своим уже хозяйским взглядом, Юлия Павловна сочла, что жить среди доспехов и мечей ей не хочется, и решила обновить Графскую Славянку. Знакомство с братьями Брюлловыми, с одним – близкое, с другим –

заочное (слышала о нём от Карла), надоумило графиню обратиться к Александру Павловичу с предложением перестроить родовую усадьбу и, прежде всего, дом на современный лад.

Каким образом она это сделала, заслуживает особого внимания. Графиня пишет брату Карла письмо в Париж, куда Александр, не выдержав “музейной скуки”, уехал учиться в Сорбонне: слушал курс механики и лекции по истории архитектуры:

“Милостивый государь! Вы меня не знаете и, конечно, никогда не слышали обо мне, но я рекомендую себя Вам как подругу Вашего брата Карла и как человека, умеющего ценить редкий талант и гений этого необыкновенного человека. . . В качестве друга Вашего брата я решаюсь писать Вам и просить Вас быть архитектором дачи, которую я собираюсь строить в моём имении в Славянке, близ Петербурга. Мне дорого иметь архитектором того, кто носит имя Брюллова. . . И потому я жду Вашего согласия на постройку моего дома и позволю себе тогда прислать Вам все нужные указания. Скульптуру и живопись взяли на себя С. Гальберг и С. Щедрин”.

Можно представить, как опешил Александр Брюллов, получив такое послание – больше похожее на приказ, нежели на просьбу. Он даже отправил копию письма Карлу с недоумённым вопросом, мол, кто такая и можно ли всерьёз относиться к женщине, которая, похоже, не допускает и мысли, что в ответ вдруг прозвучит “нет”.

Что ему ответил Карл Брюллов, история умалчивает. Однако осенью 1829 года А. П. Брюллов вернулся в Россию. Не думаю, что причиной тому стала Самойлова со своим заказом: “*быть архитектором дачи*”. Когда он вернулся на родину, ему поначалу было немного не до графини. Ему предстояло заявить о себе, найти своё место в профессиональном кругу и решить насущные проблемы: где жить и на что жить.

Поэтому 1830 год уходит у него на проект Дома инвалидов – убежища для увечных воинов – на побережье Чёрного моря. Он выполняется согласно требованиям Совета Академии художеств “в изящном классическом стиле” для получения учёного звания академика. Подготовленный проект и выполненный Александром Брюлловым портрет П. П. Лопухина – последнего из старинного рода Лопухиных – экспонируются на академической выставке 1830 года. И за эти работы ему присваивают звание академика*.

Следующий, 1831 год переполнен событиями. В феврале решением Совета Академии его назначают исполняющим должность профессора второй степени. И уже в новом качестве Александр Павлович пишет акварелью портрет императора Николая Павловича, окружённого кадетами разных корпусов. В том же году он женится на баронессе Александре Александровне фон Раль, младшей дочери придворного банкира барона Александра Александровича фон Раля. Ещё пишет акварельный портрет жены Пушкина. Знаменитый, где Наталья Николаевна с фероньеркой во лбу, с бриллиантовыми серьгами, взятыми поэтом напрокат у приятеля, с кружевной пертой вкруг алебастровых плеч, с невероятной, как любят говорить, осиной талией.

Где-то в промежутках между всем этим летом А. П. Брюллов приступил к работам, связанным с заказом графини Самойловой. Кстати, по случаю окончания холостой жизни брата Карл Брюллов прислал Александру поздра-

---

* Свой талант архитектора А. П. Брюллов выказал в проектировании и постройке в Санкт-Петербурге Михайловского театра (1833), Пулковской обсерватории (1839), лютеранской церкви Св. Петра и Павла на Невском проспекте (1838), здания Штаба гвардейского корпуса (1837) на восточной границе Дворцовой площади, Александринской больницы (строилась с 1844-го по 1850 год), в воссоздании жилых помещений Зимнего дворца после пожара 1837 года и в постройке здесь Экзерциргауза (большой успех имела помпейская орнаментация, по имени которой получила название дворцовая галерея). Брюллов был одним из трёх главных архитекторов по восстановлению Зимнего дворца, творения Растрелли, после страшного пожара, который длился трое суток и уничтожил все помещения дворца. За эти работы Брюллов был произведён в действительные статские советники. Интерьеры Зимнего и Мраморного дворцов, выполненные по рисункам Брюллова, отвечали новым художественным вкусам общества. Одновременно с этим он занимался перестройкой Мраморного дворца к свадьбе сына Николая I, князя Константина Николаевича. Позже, в 1840-е годы, Брюллов создал полноценный дом для великокняжеской семьи, а заодно надстроил стоявший между дворцом и Суворовской площадью Служебный корпус Мраморного дворца. Ему принадлежит проект памятника на Куликовом поле (1850).

вительное письмо, примечательное двумя фразами. Их любят цитировать и обычно преподносят как адресованные Юлии Самойловой. Мол, вот она истинная причина, по которой великий художник не составил семейное счастье графини:

“Я никогда не женюсь. Жена моя – искусство”.

С такой оценкой слов Карла Брюллова можно было бы согласиться, если забыть, что несколько ранее он имел огромное желание жениться. Блестящий студент, получив золотую медаль по классу исторической живописи, он тогда решил, что взял быка за рога. И сделал предложение дочери профессора Академии художеств Андрея Ивановича Иванова. Получил отказ. Сложись тогда у них свадьба с Марией Андреевной, какой была бы судьба Карла Брюллова? Смею думать, автором “Последнего дня Помпеи” не стал бы, это точно.

И потом, в 1839 году, всего-то спустя восемь лет после написанного им “я никогда не женюсь” он всё же пойдёт под венец. Его избранницей станет 18-летняя дочь рижского бургомистра Эмилия Тимм. Говорят, была полной противоположностью Юлии Самойловой. Тихая, нежная, скромная пианистка. Чем обернулось это событие для Карла Брюллова, требует особого разговора, сейчас не о нём. Хотя Юлия Самойлова окажется вовлечённой в эту передерягу, разрешать которую пришлось на самом высоком государственном уровне.

Однако вряд ли Самойлова на пустом месте признавалась Александру Брюллову в одном из писем, что они с Карлом намеревались соединить свои жизни. Кто тогда, отступив, сделал шаг назад? Сегодня не узнать. Но по крайней мере один из них прислушался к внутреннему голосу, предупреждавшему: “Выбирай мечту осторожнее, вдруг сбудется”.

Судить со своей колокольни – занятие, за которое ныне берутся многие, – не добавит нам понимания, почему судьбы двух любящих друг друга людей оказались не из разряда счастливых. К сожалению, счастье – категория непостоянная: не всем оно достаётся, а даже доставшись, не каждую грань жизни отметит своим присутствием. Жизнь гораздо сложнее, чем элементарные представления о ней. Всегда находится множество неочевидных нюансов и тонкостей, которые очень сильно изменяют конечный результат. И вообще, надо признать, что счастье – это когда, идя от неудачи к неудаче, ты не теряешь надежды добиться успеха. Не всем такое по силам.

Жизнь, конечно, нескудное зрелище. Со стороны. Для публики. А для участников событий, будь то исторических или сугубо бытовых, жизненная пьеса – действие, выставлять которое на всеобщее обозрение возникает желание далеко не всегда. Как сказал один разумный человек, даже “актёров, допустим, сотни, но среди этих нескольких сотен большая часть статисты; активных участников – десятки, главных героев – единицы”. К главным героям приковано внимание зрителей; они наблюдают за исполнителями ролей на сцене, но вовсе не за артистами, которые делятся событиями из своей жизни.

Когда сегодня доводится слышать, что “модный тогда архитектор А. П. Брюллов возвёл” для графини Самойловой “чертог в неоготическом стиле с великолепным интерьером”, надо сказанное, как говорится, делить на десять. И потому, что никаким “модным” только что приехавший в Петербург 33-летний Александр Брюллов не был. Он известным-то станет лишь в середине четвёртого десятилетия XIX века. Да и то во многом благодаря брату Карлу – фамилия окажется у многих на слуху.

“Возвёл” – это замок или величественный дворец возводят. Такое скорее можно отнести к итальянскому графу Джулио Литта. Впрочем, и тут следует иметь в виду разницу в восприятии того, что есть слова “замок” и “дворец” для русского уха и понимания, и для человека, возвращённого европейской культурой. Принимая заказ от Юлии Павловны, Александр Брюллов не обещал: “Чертоги пышные построю из бирюзы и янтаря”. Он точно следовал пожеланиям заказчицы: это должно быть двухэтажное здание, в котором главное не помпезность и объём, а его убранство и удобство, тщательно продуманное расположение комнат и отделка интерьеров, отражающие новые черты быта – стремление к интимности и покою.

Хочу обратить внимание, что фактически в это самое время Адам Менелас, шотландский архитектор, работавший в России, занимается строительством летнего, в английском стиле дворца, который неофициально называется

“коттедж”, а официально — “Собственная Его Императорского Величества дача”. Речь, как вы понимаете, идёт об Александрии — дворцово-парковом ансамбле Петергофа в пригороде Санкт-Петербурга. Между прочим, названное в честь императрицы Александры Фёдоровны, супруги Николая I, и подаренное ей после вступления Николая Павловича на престол имение (с 1830 года ставшее одной из резиденций российских императоров) располагалось совсем поблизости от Графской Славянки с “дачей” Самойловой. Меж ними километров 30 примерно.

Строительство царской дачи-дворца продолжалось до 1829 года. Это тоже было двухэтажное здание небольшого размера, украшенное балконами и террасами. И всё в нём исходило из целенаправленного стремления сильнее подчеркнуть идиллический характер коттеджа. К слову, на фасадах “сельского домика” и практически всех других построек Александрии был помещён герб Александрии — щит с обнажённым мечом, пропущенным через венок белых роз. Этот романтический рыцарский герб был придуман поэтом В. А. Жуковским. Коттеджу сопутствовал входивший тогда в моду английский пейзажный парк.

Талант Александра Брюллова позволил ему сделать “дачу” графини настоящим шедевром комфорта и уюта. Единственным отголоском помпезности были львы у парадной лестницы и портрет графини Самойловой, который прежде всего замечали гости, пропущенные львами, только переступив порог дома. Правда, портрет, написанный художником Петром Басиным, заметно контрастировал с той женщиной, которую все привыкли видеть. На холсте Юлия Павловна грустна и задумчива.

Новый усадебный дом удивлял отсутствием привычных парадных просторных гостиных и длинных анфилад. Им на смену пришли относительно небольшие, замкнутые, уютные комнаты различной конфигурации, как про них говорят, “с эркерами, открывающими широкий вид на окружающий пейзаж; с нишами для встроенных мягких диванов, с цветниками и увитыми зеленью трельяжами”.

Приезжающие гости, за которыми дело не стало, сразу попадали в большой бальный зал, расположенный в центре и через лоджию соединённый с садом. По обеим сторонам зала размещались столовая с буфетной и бильярдная, кабинет и библиотека, спальня и будуар. На втором этаже были спальни двух приёмных девочек Самойловой. Современники любовались драгоценными картинами, оригинальными светильниками, роскошью ковров, малиновыми и голубыми оконными стеклами — такое едва ли не впервые появилось в шилом доме.

Памятуя, что Александр Брюллов был архитектором, обычно отдают должное тому, какой он сотворил дом, но зачастую забывают упомянуть о его заслугах в качестве — употребим современное название профессии — ландшафтного дизайнера. Был создан прекрасный английский пейзажный парк с куртинами и группами деревьев и кустарников, с открытыми полянами и цветниками, с продуманной системой извилистых дорожек. Единственному водоёму — выкопанному пруду — придали плавные очертания, и на его северном берегу появилась беломраморная отапливаемая купальня. В завершение работ в 1835 году недалеко от дома по проекту Брюллова был построен небольшой деревянный театр в древнерусском стиле и расположилась оранжерея с тропическими растениями.

С точки зрения европейца, “дача” Самойловой заслуживает названия “вилла”, то есть это богатый, комфортабельный дом (обычно загородный) с садом, парком. Если заглянуть в словари, то там именно так и толкуют это слово. Тем более что сегодня встречаешь его обычно в светской хронике, когда сообщают про то, что какая-нибудь голливудская кинодива приобрела роскошную виллу или что один российский олигарх за головокругительную цену стал обладателем дома на берегу Коста-Смеральды на острове Сардиния, а другой российский покупатель планирует купить старинную виллу, построенную в XVII веке. Проще говоря, вилла — это нечто из области “красиво жить не запретишь”.

Так оно и было. И если уж употреблять слово “модный”, то таковым стало посещение Графской Славянки. Что и говорить, петербургский свет, любитель гулянуть на халяву, когда едят и пьют, как известно, даже трезвенники и язвенники, тут же повадился собираться здесь на балы и музыкальные вечера. Тем более что их атмосферу никак нельзя было счесть музейно-благоговейной.

Баснословная роскошь обстановки “дачи” экстравагантной русской итальянки будоражила всех. В 1835 году отец Пушкина отправился осматривать Графскую Славянку, слухи о которой перебаламутили даже тех, кто обычно был равнодушен к слухам. Вернувшись от прелестной графини Самойловой, Сергей Львович писал дочери Ольге:

“Это – сокровище; невозможно представить себе ничего более эlegantного в смысле мебели и всевозможных украшений. Все ходят смотреть это, точно в Эрмитаж. Ванная комната её вся розовая, и волшебством цветного стекла, заменяющего окно, все там кажутся светло-розовыми, и сад, и небо чрез это стекло приобретает бесподобную окраску, а воздух кажется воспламенённым. Говорят, это напоминает небо Италии, – признаюсь, у меня от него заболели глаза, и когда я оттуда вышел, мне всё, в течение трёх или четырёх минут, представлялось зелёным”.

Шокировала петербургское общество не только усадьба, но и сама её щедрая и изысканная хозяйка – образом жизни и поведением. В свою очередь, Ольга Сергеевна, сестра Александра Пушкина, писала мужу в Варшаву:

“Проезжала ли через Варшаву графиня Самойлова? Вытворяла ли она свои фокусы, то есть уселась ли на облучке вместе с кучером, с трубкой во рту и в мужской шляпе на своей завитой и растрёпанной голове? Она презабавная и, я думаю, немного не в себе”.

В другом письме к мужу О. С. Павлицева описывала устроенное Юлией Самойловой на потеху кавалергардам состязание между своими крестьянками: какая первой вскарабкается на высокий шест, к верхушке которого были привязаны подарки для той, кто до этих призов доберётся:

“Недавно она вздумала устроить деревенский праздник в своей Славянке, наподобие праздника в Белом Доме Поль де Кока; поставили шест с призами – на нём висел сарафан и повойник: представьте себе, что приз получила баба 45 лет, толстая и некрасивая! Это очень развлекло графиню, как вы можете представить, и все её общество, но муж героини поколотил её и всё побросал в костёр. Тогда графиня велела дать ей другой и приказала носить его как награду за ловкость. Говорят, что офицеры, которые явились без позволения на этот праздник, назавтра были под арестом. Графиня Самойлова прекрасно себя чувствует и очень весела. У неё живет юная итальянка, которой она даёт миллион – ей всего четырнадцать лет”.

Празднества в Графской Славянке не уступали в пышности придворным балам и маскарадам. О соревновании в пышности обычно упоминают все, начиная, кажется, с Михаила Ивановича Пыляева, который без малейшей претензии на учёную серьёзность делился “забытым прошлым” в конце XIX века. А вот про очевидную ревность императорской семьи в отношении графини Самойловой, затеявшей соревноваться, прежде всего, в архитектуре дач, говорить не принято. И так как в человеческой природе редко можно встретить единство взглядов, куда чаще бывает разнообразие, основанное на очень странных вкусах, суждения об имени “последней из Осквронских” чрезвычайно разнолики: от восторженных до самых негодующих.

Одни называли Графскую Славянку любимым местом отдыха аристократической и художественной элиты. Другие находили, что загородный дом Самойловой стал центром притяжения для молодых офицеров, любителей развлечений, заезжих иностранцев и даже светских львов и львиц, буйное веселье которых превосходило все границы приличий. Третьи возмущались тем, что, собирая у себя цвет петербургского общества, графиня устраивает непотребные кутежи на манер Клеопатриных и Мессалининых. Бассейны, мол, там наполняются шампанским, шампанским же фонтаны бьют.

Слухи о хозяйке и её доме в Графской Славянке, куда потянулись экипажи с многочисленными гостями, поползли самые невероятные. На вкус и цвет товарищей нет. Поэтому кто-то описывал собрание художественных редкостей, кто-то – балы и маскарады, кто-то – концерты и театральные представления, соединённые с прелестями сельской жизни. Кто-то с упоением рассказывал, что летний салон Юлии Павловны стал настоящей достопримечательностью столицы.

Были ли справедливы те слова? Если исходить из того, что притягательность приёмов в Графской Славянке – от редкостного умения внимательной и душевной хозяйки объединять разных людей, создавать одухотворённую атмосферу, а её гостями наряду со светскими людьми были известные литераторы, музыканты, актёры, художники, при этом звучала музыка, стихи, гости тан-

цевали, спорили, то да, справедливы. Всё это привлекало в имение гостей.

Однако царящая непринуждённость в Графской Славянке ничего, кроме раздражения, там, наверху, вызвать не могла. Графине Самойловой дали это понять, сообщив о неудовольствии императора и проводимыми вечерами, и самой Юлией Павловной. Отчего неудовольствие? Нужно самому иметь достоинства, чтобы разглядеть их в других. Быть Музой для Пачини, для Карла Брюллова графине Самойловой оказалось проще, нежели получить хотя бы нейтралитет государя, желавшего везде и во всём видеть покой и порядок. Таков уж был Николай I.

И это не суждение, рождённое нынешним днём, — известно, задним умом все сильны. Русский историк, профессор Московского университета Сергей Михайлович Соловьёв, современник обоих — и Юлии Самойловой, и Николая Романова, — достаточно определённо указывал на то, что император всегда окружал себя посредственностями и бездарностями, до смерти не переставал ненавидеть и гнать людей, хоть чем-то выделяющихся среди других. Более того, по мнению историка, Николай I желал иметь возможность “одним ударом отрубить все головы, которые поднимались над общим уровнем”. Так что поверим ему. Как-никак голова графини Самойловой поднималась над общим уровнем.

И всё же мнением императора ограничиваться не станем. Например, Михаил Иванович Пыляев в своей книге “Забытое прошлое окрестностей Петербурга” писал о Самойловой не без восхищения:

“Была в Петербурге в большом свете женщина, которую звали, и не без основания, царицею салонов. Она была и красива, и умна, и обворожительна, и прелестна в одно и то же время. Лермонтов ей посвятил стихи, в которых она характеризуется как нельзя вернее. Женщина эта была графиня С<амойло>ва”.

Именно с лёгкой руки Михаила Ивановича “пошла писать губерния”, что “вечера у тогдашней владелицы дома в чудесном саду пленяют до того всех, что вследствие этого Царское Село пустело”. Но автор “Забытого прошлого...” и не скрывал, что многое из того, о чём он повествует, — всего лишь городские слухи и ходячие легенды:

“Легенда повествует, что графиня, которой принадлежала в окрестностях Царского Села Славянка, называвшаяся Графскою, собирала к себе весь цвет петербургского общества летом, и вечера у неё в чудесном саду пленяли до того всех, что вследствие этого Царское Село пустело. Тогда, чтобы прекратить эту конкуренцию и сохранить за Царским Селом его прежнее оживление, император Николай Павлович предложил графине продать ему Графскую Славянку”.

Предложение в то время имело характер приказания, как повествует та легенда; графиня подчинилась, но при этом, продавая, она будто сказала: “Скажите государю, что ездили не в Славянку, а к графине С<амойлов>ой, и где бы она ни была, будут продолжать к ней ездить”.

Характерные эти слова становятся ещё характернее, если верить легенде, ввиду решимости гордой царицы Славянки осуществить их на деле. Оставив Славянку, графиня поехала в прекрасный вечер на Елагин остров и доехала до той стрелки, где в то время пел только соловей и вторила ему унылая песнь рыбака со взморья... Став на эту стрелку, она сказала: вот здесь будут приезжать к графине С<амойлов>ой...

И в самом деле, с следующего дня начали приезжать поклонники графини удостоиваться беседы с нею, и дикий уголок Елагинского острова обращался в блестящую гостиную со дня на день. После поклонников потянули на стрелку любопытные кумушки большого света; за ними — молодые женщины, за ними — дипломаты, а в заключение и придворные, и в то время, в каких-нибудь 2–3 недели Елагинская стрелка стала местом собраний для всего аристократического и элегантного общества Петербурга”.

Тут главное, читая эти строки, не пропустить важные слова: “если верить легенде”. Как известно, далеко не каждая легенда соответствует действительности. Разговоры, будто Николай I, недовольный тем, что Графская Славянка “оттягивала” гостей от Царского Села, через посланца предложил Юлии Самойловой продать ему имение, по сию пору имеют широкое хождение. И дерзкий её ответ, мол, передайте государю, что “ездили не в Славянку, а к графине Самойловой, и где бы она ни была, станут ездить к ней”, красиво дополняет легенду. Но в реальности события происходили иначе.

Отрицать царскую раздражённость Самойловой было бы странным. Как и тот факт, что в итоге её имение стало собственностью Николая I. После чего он ещё и назвал его на свой лад – Царская Славянка. Только было это много позже. В один из своих приездов из-за границы, если совсем точно, то в 1842 году, графиня Самойлова, заложила в Государственном Заемном банке Графскую Славянку за 220 640 рублей. Спустя четыре года, в 1846-м она в Италии выйдет замуж, и этот брак, по российским законам того времени, лишил её русского подданства и права на недвижимость и крепостных, что и заставит лишь тогда продать Графскую Славянку. Таков один вполне конкретный расклад событий, как видим, противоречащий легенде.

Правда, есть ещё одна, мелодраматическая версия того, что побудило её к продаже имения. Любители “клубнички” излагают её так: после смерти мужа от чахотки Самойлова вступила в связь со своим парикмахером, чем взбудоражила высший свет Петербурга, который “попросил” её уехать из Петербурга из-за несоответствия своему титулу и заодно продать Графскую Славянку.

Какому варианту отдать предпочтение, решать каждому позволено самому. Я никого на сей счёт убеждать не стану. Одно точно: когда Самойлова решила-таки свою дачу продать, Л. А. Перовский, бывший тогда управляющим Министерства уделов, получил от Николая I предписание купить Графскую Славянку. Но поверенный графини заломил такую цену, что Перовский решил выждать в расчёте, что другого покупателя за эти деньги всё равно не найдётся. Он ошибся. Запрашиваемая сумма ничуть не смутила Воронцовых-Дашковых, они даже передали задаток.

Узнав об этом, Николай I велел тотчас оформить покупку Графской Славянки в личное владение императорского дома (он, как родственник по линии Скавронских, по закону имел право приоритетного выкупа), а Воронцовым вернуть деньги. Мать Иллариона Ивановича Воронцова-Дашкова, будущего министра императорского двора и уделов, возмущённо писала царю, настаивая на своём праве осуществить покупку, о которой была уже договорённость. Однако царь не уступил и купил усадьбу за 700 тысяч рублей, переплатив более чем в 3 раза.

Впрочем, для любителей конспирологии существует ещё одно занятное обоснование причины, по которой Самойлова была вынуждена уехать из Петербурга в 1835 году, срочно продав своё имение подле Александрии. Если вкратце, то всё обстояло более чем серьёзно. Доблестными агентами III отделения, руководимого А. Х. Бенкендорфом, была перехвачена секретная шифрограмма от Папы Римского, адресованная графу Литта. Из неё стало известно о готовящемся государственном перевороте наподобие “восстания декабристов”. Опять смещение императора Николая I, опять силами военных, желающих провозгласить новой императрицей графиню Юлию Самойлову – ни больше ни меньше. Когда планы заговорщиков оказались раскрытыми, по указу императора графиня должна была в 24 часа собрать вещи, продать дачу и выехать из страны за границу, а участников путча, офицеров, которые к тому же все были сплошь масоны, отправили на Кавказ под пули чеченцев. Так что честолюбивому замыслу гордой царицы Славянки не суждено было осуществиться.

Что касается дикого уголка Елагина острова, то тут правды больше. Можно предположить, что для графини, в коей текла частица крови императрицы Екатерины I, совершенно нормально было бы фыркнуть на недопустимое к себе отношение и выкинуть какой-нибудь фортель, на какие она была мастерица. Однако на сей раз перечить государю Юлию Павловна не посмела, оставила Графскую Славянку и переехала в свой дом в Петербурге. Прозвучала или нет из её уст фраза “ездили не в Славянку, а к графине Самойловой, и где бы она ни была, станут ездить к ней”, не суть важно. Даже если она её не произносила, то кто-то очень удачно за графиню слова эти придумал.

Но характер есть характер, и в ближайший тёплый вечер велела она запрячь карету и отправилась на Елагин остров. Почему именно туда? Никто не знает. А далее, как по-писаному: стрелка, поющий соловей и унылая песнь рыбака со взморья... Место приглянулось, и, став на ту стрелку, она, совсем как Пётр Великий, произнёсший знаменитое: “Здесь будет город заложен на зло...”, сказала слова попроще: “Вот здесь будут приезжать к графине С<амойлов>ой”. Так оно и вышло.

Можно удивляться, но очень быстро Елагин остров стал новым притяжением светского Петербурга. В блестящем окружении кавалеров и дам Юлия Павловна отправлялась на стрелку Елагина острова сначала слушать пение птиц в окрестных рощах и любоваться бегом волн по Финскому заливу и закатами. Новое увлечение — поездки “на Острова” — вскоре вошло в моду. И потянулись сюда кавалькады карет петербургской знати. День за днём дикий уголок Елагинского острова превращался в блестящую гостиную под открытым небом. Как сегодня можно прочитать, “Елагинские гуляния” в живописной тени деревьев и близости вод “были истинным отдохновением для петербуржцев, страдавших в зловонной духоте летнего города. Так графиня Самойлова стала родоначальницей славной петербургской традиции”.

А затем Юлия Павловна на Елагинском острове выстроила — с помощью всё того же Александра Брюллова — новую дачу для себя и приезжающих к ней поклонников. И снова слухи закрутились вокруг её имени. Когда они дошли до императора, тот предложил графине поехать отдохнуть где-нибудь подальше от столицы. Так что Юлия Павловна ездила на остров недолго — в 1832 году она отправилась в Италию, в Рим, где у неё продолжился роман с Карлом Брюлловым.

Странное дело, непринуждённость, некая раскованность, непристойные скандалы, которые приписывались маскарадам у графини Самойловой и вызывали большое недовольство Николая I, никак не мешали ему смотреть сквозь пальцы на другие маскарады. Хотя известно, что они устраивались часто и во многих частных светских домах. Почему? Вопрос тем более интересный, что он связан, как мне кажется, с процитированной фразой из книги М. И. Пыляева “Забытое прошлое окрестностей Петербурга”, относящейся к Самойловой: “Лермонтов ей посвятил стихи, в которых она характеризована как нельзя вернее”. Довольно курьёзной фразой, потому что у Лермонтова никакого стихотворения, посвящённого Самойловой, к тому же в котором “она характеризуется как нельзя вернее”, нет.

Но сначала о маскарадах. И прежде всего, конечно, о самых знаменитых: бала-маскарадах в доме отставного гвардии полковника Василия Васильевича Энгельгардта — на углу набережной канала Грибоедова (дом № 16) и Невского проспекта (дом № 30). Это был известный богач, острослов и игрок. Его сын, также Василий Васильевич, учился одновременно с Лермонтовым в Школе юнкеров, а позднее стал однополчанином его по лейб-гвардии Гусарскому полку. Обратим внимание на это пересечение: маскарады Энгельгардта и поэт Лермонтов. И вспомним: события драмы М. Ю. Лермонтова “Маскарад” происходят именно здесь, в доме отставного гвардии полковника.

Смею думать, читателю потребуется небольшая историческая справка. Когда Энгельгардт-старший начинал свой бизнес (на современном нам языке, в сфере организации досуга), а проведение публичных балов-маскарадов было для него именно бизнесом, первое время маскарады имели мало посетителей. Не только потому, что дело было ещё не раскрыто. Но больше по вполне понятной причине: ещё совсем недавно на подобные мероприятия распространялся запрет властей. Василий Васильевич определённый страх тоже испытывал, но куда более сильные страхи были у его посетителей.

И тогда Энгельгардт применяет беспроектно-эффективный маркетинговый ход. Он приглашает на маскарад членов императорского дома. План сработал: маскарад посетили сам император Николай I со своим братом великим князем Михаилом Павловичем, герцогом Вюртембергским и принцем Альбертом Прусским. После их визита посещаемость маскарадов сразу возросла — бизнес Энгельгардта пошёл в гору. Впрочем, финансовая составляющая дела нас интересует в последнюю очередь. Остановимся на маленькой детали, которая окажется для нас существенной: Николай I тем, первым, посещением бала-маскарада не ограничился. И его жена Александра Фёдоровна, добавим, тоже не раз инкогнито посещала этот “дом развлечений”.

Эту деталь дополним ещё одной. Упомянутая ранее драма Лермонтова “Маскарад”, как известно, к постановке осторожной цензурой не была пропущена. Та сочла недопустимым “неприличные нападки на костюмированные балы в доме Энгельгардта”. Позиция цензуры порождает два контрастных вопроса. Один: что же такого неприличного было в нападках Лермонтова? Параллельно другой вопрос: можно ли признать приличным

происходящее на маскированных балах у Энгельгардта? Попробуем вникнуть и разобраться.

“Маскерад” в доме “настоящего полковника” собирал самые разные личности, представавшие здесь инкогнито и поведение которых порой было достаточно вольное. Кто же являлся на “маскерад” к Энгельгардту отдохнуть и развеяться? В “доме развлечений” ко всем обращались на “ты” и не придерживались особых церемоний, там можно было встретить дам полусвета и угорвориться со свидании “на полчаса”, благо тут же в доме были и гостиничные номера. Для расширения круга участников публичных маскарадов была даже снижена цена за вход с 10 до 5 рублей. Поэтому, читая в лермонтовском “Маскараде”: “Как женщине порядочной решиться отправиться туда, где всякий сброд...”, надо понимать, что это не своего рода символический оборот речи, а чисто житейская правда. Тем не менее не избегали дома Энгельгардта и великосветские дамы. Среди неприличных, по мнению цензуры, нападок Лермонтова читаем:

...женщина, которой свет
Дивится с завистью, в пылу самозабвенья
К нему на шею кинется, моля
Дать ей два сладкие мгновенья,
Не требуя любви, но только сожаленья,
И дерзко скажет: я твоя!..

“И даже там бывают, говорят...” — начинает простодушный князь Звездич, один из героев драмы Лермонтова. Но другой, Арбенин, спешит его оборвать, потому что осторожность не повредит. Подтверждение резона для опасений можно найти в одной из записей дневника Долли Фикельмон, внучки Кутузова, супруги австрийского посла в Петербурге и приятельницы императрицы Александры Фёдоровны. Свидетельство, что называется, из первых рук:

“Бал-маскарад в доме Энгельгардта. Императрица захотела туда съездить, но самым секретным образом, и выбрала меня, чтобы её сопроводить. Итак, я сначала побывала на балу с мамой, через час оттуда уехала и вошла в помещение Зимнего дворца, которое мне указали. Там я переменила маскарадный костюм и снова уехала из дворца вместе с императрицей в наёмных санях и под именем m-lle Тимашевой. Царица смеялась, как ребёнок, а мне было страшно; я боялась всяких инцидентов. Когда мы очутились в этой толпе, стало ещё хуже — её толкали локтями и давили не с большим уважением, чем всякую другую маску. Всё это было ново для императрицы и её забавляло. Мы атаковали многих. Мейендорф, модный красавец, который всячески добивался внимания императрицы, был так невнимателен, что совсем её не узнал и обошёлся с нами очень скверно. Лобанов тотчас же узнал нас обеих, но Горчаков, который провёл с нами целый час и усадил нас в сани, не подозревал, кто мы такие. Меня очень забавляла крайняя растерянность начальника полиции Кокошкина — этот бедный человек очень быстро узнал императрицу и дрожал, как бы с ней чего не случилось...”

Развлечение-приключение на опасной грани шалости и полного неприличия. Что по этому поводу читаем у Лермонтова?

...взгляните там —
Как выступает благородно
Высокая турчанка... как полна,
Как дышит грудь её и страстно, и свободно?
Вы знаете ли, кто она?
Быть может, гордая графиня иль княжна,
Диана в обществе... Венера в маскараде...

Действительно, о ужас! женщины без корсетов! Да что там “без корсетов”:

Под маской все чины равны,
У маски ни души, ни званья нет, — есть тело.
И если маскою черты утаены,
То маску с чувств снимают смело.

При жизни Лермонтова пьесе путь на сцену и к читателю был заказан*. Хотя в попытках пройти цензуру он корёжил текст и сделал несколько редакций. Всё оказалось безуспешно.

Но, как это всегда бывало, не обошлось без утечек. И так как в драме присутствовало много монологов, каждый из которых мог служить отдельным, целостным произведением, в списках стали ходить “стихотворения” поэта социальной направленности, которые современниками не соотносились с основным произведением – его ведь не существовало для читателей. Среди таковых был монолог баронессы Штраль, открывающий в пьесе действие второе, сцену первую, выход первый:

Подумаешь: зачем живём мы? для того ли,
Чтоб вечно угождать на чуждый нрав
И рабствовать всегда! Жорж Занд почти что прав!
Что ныне женщина? создание без воли,
Игрушка для страстей иль прихотей других!
Имея свет судьёй и без защиты в свете,
Она должна таить весь пламень чувств своих
Иль удушить их в полном цвете...
Что женщина? Её от юности самой
В продажу выгодам, как жертву, убирают,
Внят в любви к себе одной,
Любить других не позволяют.
В груди её порой бушует страсть,
Боязнь, рассудок, мысли гонит;
И если как-нибудь, забывши света власть,
Она покров с неё уронит,
Предастся чувствам всей душой —
Тогда прости и счастье, и покой!
Свет тут... он тайны знать не хочет! он по виду,
По платью встретит честность и порок, —
Но не снесёт приличиям обиду
И в наказаниях жесток!..

Соотнести эти строки с графиней Самойловой, совершив тем самым ошибку, какую допустил Пыляев, написавший: “Лермонтов ей посвятил стихи, в которых она характеризуется как нельзя вернее”, — на мой взгляд, не составляет труда.

Конечно, художественное воображение поэта способно победить историческую правду. Однако разве нельзя допустить: ну, что-то там такое бывало, но не надо преувеличивать. Или не надо преуменьшать? Попробуем не преуменьшать. О подобном же приключении сама императрица сделала запись в дневнике (1 марта 1834 года). Тогда внимание Александры Фёдоровны привлек не кто иной, как Дантес — сегодня всем известный, а тогда всего лишь её новый протеже. Надо заметить, всё проходило с соблюдением конспирации. Сначала после ужина 40 мин. 12-го часа вечера выезд в карете на публичный маскарад. Там её величество, сидя в ложе с фрейлинами гр. Тизенгаузен и гр. Шереметьевой, по свидетельству камер-фурьера, из ложи смотрела на забавляющегося с маскированными дамами государя, одетого в кавалергардский мундир и венециане**, Николая I, а вот потом, после отъезда во дворец она вернулась в дом Энгельгардта уже под маской. Как написано в её дневнике, “... поехали в ложу. Смотрели маскированный бал. Около часу уехали, но опять туда с Соф<ьей> Бобр<инской> и Катрин. Немного интриговали. Дантес, *bonj. m. gentille****, но не так красиво, как в прошлом году. В 3/4 3 домой...”

Забавы царствующей четы на маскарадах не проходили незамеченными и бесследно. Пушкин как лицо более чем заинтересованное сделал запись в своём дневнике (1835) о “приватном” маскараде в Аничковом дворце, куда

* Впервые она опубликована с многочисленными купюрами в 1842 году; полный текст, без цензурной правки, — в 1873 году.

** Венециане — мужской головной убор, обязательный при посещении маскарадов.

*** Здравств(вуй), м(оя) милашка (фр.).

23-летнюю Наталью Николаевну (в отсутствие мужа, отъехавшего в Михайловское) привезла её тётка, 56-летняя фрейлина Загряжская:

“В городе шум. Находят всё это неприличным”.

Надо признать, что “донжуанский список” Николая I вряд ли был короче пушкинского. Как заметил с долей иронии барон М. А. Корф – человек, приближённый к государю:

“Император Николай был вообще очень весёлого и живого нрава, а в тесном кругу даже и шаловлив...”

Неудивительно, что шаловливое поведение членов царской фамилии на карнавалах со стороны выглядело неприличным. Видимо, именно такие толки нашли отражение в драме “Маскарад”. Но цензура увидела события иначе и в неприличии обвинила Лермонтова.

Пригласим в качестве пусть не судьи, а лишь консультанта-политолога (модная нынче специализация) аккуратного Модеста Андреевича Корфа (раз уж мы вспомнили его), которого никак нельзя назвать иначе, как убеждённым царедворцем. Попросим его прояснить, так кто же являлся на “маскарад” к Энгельгардту отдохнуть и развеяться, кто был большой охотник до маскарадных игр. Примерно в ту пору, 16 января 1839 года он сделал запись в своём дневнике:

“Элементы, из которых составляются все эти балы большого света, довольно трудно объять какими-нибудь общими чертами. Разумеется, что на них бывает весь аристократический круг; но кто именно составляет этот круг в таком государстве, где одна знатность происхождения не даёт сама по себе никаких общественных прав, объяснить не легко. В этом кругу есть всего понемножку, но нет ничего, так сказать, dokonченного, округлённого. Тут есть и высшие административные персонажи, но не все; некоторые отделяются от светского шума по летам, другие – по привычке и наклонностям. Точно так же в этом кругу есть и богатые, и бедные, и знатные, и ничтожные, даже такие, о которых удивляешься, как они туда попали, не имея ни связей, ни родства, ни состояния, ни положения в свете! Между тем весь этот круг, как заколдованный: при 500 000 населения столицы, при огромном дворе, при централизации здесь всех высших властей государственных – он состоит не более, как из каких-нибудь 200 или 250 человек, считая оба пола, и в этом составе переезжает с одного бала на другой, с самыми маленькими и едва заметными изменениями, так что в этом кругу, то есть в особенно так называемом большом свете, невозможно и подумать дать в один вечер два бала вдруг. Молодые люди-танцоры попадают легче, но тоже не без труда. Так, например, флигель-адъютанты и кавалергардские офицеры почти все везде; конногвардейских много; прочих полков можно всех назвать наперечёт, а некоторых мундиров, например, гусарского, уланского и большей части пехотных гвардейских решительно нигде не выдать. Появление в этом эсклюзивном кругу нового лица, старого или молодого, мужчины или женщины, так редко и необыкновенно, что составляет настоящее происшествие. Заклучу одним: человеку, не посвящённому в таинства петербургских салонов, невозможно ни по каким соображениям угадать а priori, кто принадлежит к большому кругу и кто нет. Есть министры, члены Государственного совета, генерал-адъютанты, статс-секретари, придворные чины, – не говоря уже о сенаторах, которых нигде никогда не увидишь, которые решительно никуда не приглашаются: есть люди знатные по роду и богатству, просвещённые, со всеми формами лучшего общества, которые в том же положении; и есть, напротив, – как я уже сказал, – люди совершенно ничтожные, которые везде бывают, которых везде зовут, большею частью потому, кажется, что они играют в высокую игру, до которой некоторые из наших баричей большие охотники”.

Из наблюдений Корфа вычленим касающиеся лейб-гусарских мундиров. Почему? Потому, что напрашивается вопрос: на кого намекал он, трактуя появление нового лица в “большом свете” как необыкновенное происшествие? Не на Лермонтова ли? Интересный вопрос этот возник у поэтессы Фаины Гринберг, которая соотнесла между собой два факта.

Один – появление с осени 1838 года в качестве новых танцоров на балах в Аничковом дворце лейб-гусаров: приятелей или родственников Лермонтова.

Были они приглашены в Аничков дворец и 3-го, и 29 января 1839 года. Как раз в эти дни императрица (под маской) “интриговала” Монго-Столыпина и Шувалова, Соллогуба и Александра Карамзина—лейб-гусаров из окружения Лермонтова.

Второй — именно тогда при дворе стали шептаться о маскарадных приключениях жены Николая I. А тень поэта два последних зимних месяца, как говорится, витала над гостями дворца. В маскарадной карете шёл разговор императрицы с Перовским о Лермонтове и его “Демоне”. Похоже, что в один из тех дней произошёл маскарадный инцидент с самим Лермонтовым*, породивший легенду о стихотворении “1-е января” (“Как часто, пёстрою толпою окружён. . .”). Именно в январе императрица просит у Соллогуба доставить ей неизвестное стихотворение Лермонтова.

У нас нет прямого свидетельства, что тем неизвестным стихотворением Лермонтова были 22 стиха монолога баронессы Штраль в драме “Маскарад”. Но сам факт, что Александра Фёдоровна, совершенно точно называвшая “Демона” и “1-е января”, в данном случае употребила выражение “неизвестное стихотворение Лермонтова”, позволяет предположить, что речь шла об отрывке из стихотворной драмы, который мог не на шутку беспокоить императрицу (от Лермонтова всего можно ожидать!).

Далеко не все были посвящены в событие, затрагивающее первую даму государства. К тому же поэт, как мог, замаскировал его, отнеся бал-маскарад из Аничкова дворца в дом Энгельгардта. Какие-то слухи по столице ходили. Какое-то “стихотворение” Лермонтова из рук в руки передавалось. Содержание его ничуть не противоречило мыслям, будто стихи посвящены Юлии Самойловой, и в них графиня “характеризована как нельзя вернее”. Да и кто знает, не исключено, что, рисуя персонаж пьесы, баронессу Штраль, Лермонтов наградил его характерными чёрточками Самойловой, чьё имя тогда было у всех на устах. Так что “ошибка” М. И. Пыляева очень даже показательная.

Если вдуматься, гипотетическое авторство неизвестного “стихотворения” Лермонтова, позволяющее произвести замену по желанию, — Самойловой на императрицу или, наоборот, императрицы на Самойлову — лишь вносит дополнительный штрих в картину времени, в каком они обе жили.

Кстати, если продолжить чтение дневника М. А. Корфа, то описание им посещения публичных маскарадов царём только подтверждает эту мысль:

“На некоторых маскарадах бывает и императрица, но всегда маскированная и интригует мужчин не хуже другой какой-нибудь дамы. В таком случае обер-полицмейстеру поручается достать для неё какую-нибудь городскую карету, с лакеями в полуободранных ливреях, и она приезжает в совершенном инкогнито. Завеса поднимается разве только для каких-нибудь самых приближённых, а масса публики никогда не знает с достоверностью, тут ли императрица или нет”.

Разница между этими двумя женщинами, смею думать, была лишь в одном: Юлия Павловна не считала нужным маскироваться, а Александра Фёдоровна была вынуждена это проделывать.

---

* Неприятное происшествие заключалось в том, что на костюмированном бале Лермонтов оскорбил надоедливую “маску”, под которой была (скрывалась) императрица.